АНАКРЕОНТЪ,

ИЛИ

МОГУЩЕСТВО

ЛЮБВИ.

МОСКВА,

въ Типографїи Пономарева.

1796 года.

АНАКРЕОНТЪ,

ИЛИ

МОГУЩЕСТВО ЛЮБВИ.

Градъ Митилена утратилъ все его благоденствїе отъ того времени, какъ образъ правительства въ немъ премѣнился; Эроты отлетѣли въ Циперу, и трепещущїя красоты зрѣли нѣжности ихъ похищаемы наперстниками царствовавшаго властолюбца, повинуяся единому токмо страху. Любовь ничто

иное была какъ грубое вожделѣніе, коея пламень мгновенно угасалъ послѣ удовлетворенія, и упоенія оной доставлялись повсюду цѣною злата.

Питтакъ, единый изъ седьми Любомудрцевъ Греческихъ, достойный прейти въ потомство, стеналъ отъ злополучія отечества своего, принужденъ бывъ сокрывать средства, кои могъ бы онъ преподать ради возстановленія его благоденствія; но, опасаяся жестокой за то казни, предпріялъ удалиться отъ Митилены, и прибылъ въ Делфы; гдѣ, по принесеніи жертвъ во храмѣ чти-

маго Бога, начерталъ на стѣнахъ злоключенія Митилены, и способы къ разсыпанію оныхъ. Вскорѣ Греція увѣдала о мучительномъ скипетрѣ, подавляющемъ градъ сей, и вся Іонія на то вознегодовала. Цвѣтъ юношества града Лезбоса избралъ Питтака вождемъ своимъ, коего славной пѣснопѣвецъ Алцей воспламенялъ паче ревніе духа. Питтакъ послѣ произнесенія слова къ храбрымъ сораттоборцамъ, направилъ съ ними путь къ Митиленѣ Тщетно мучитель при приближеніи его, тщался противуборствовать благородному стремленію онаго.

Единъ, презрѣнный отъ всѣхъ и благополученъ еще, что могъ спастися бѣгствомъ, оставляетъ Питтака спокойнымъ обладателемъ верьховныя власти, преданной ему жителями града Митилены; но Питтакъ не сохранилъ оную долговременнѣе, колико нужно то ему было, ради возстановленія благоустройства и законовъ Когда миръ твердо основался, художества и торговля восприяли древнюю силу ихъ, Питтакъ призываетъ Любомудрца Эпикура, и отдѣляетъ для училища его единъ изъ выгоднѣйшихъ домовъ во градѣ. Роскошь и нѣги съ новымъ

домовладыкою вЪ немЪ водворились; и вскорѣ градЪ Митилена сталЪ паки убѣжищемЪ благополучїя и забавЪ. ПиттакЪ, возвратя тишину отечеству его, низложилЪ безЪ жалѣнїя сЪ себя власть верьховную, воспрїятую токмо имЪ для содѣланїя блаженства народу, и повергнулся во обЪятїя Любомудрїя, уединенїя и ученїя подруги.

ЭпикурЪ не достигнулЪ еще девятой Олимпїады, когда прибылЪ вЪ Митилену, ради обученїя науки быть благополучнымЪ. Кроткое и прїятное лице, а паче сей умЪ плѣняющїй, которой и единЪ способенЪ привлечь

красоту, удостоился любви отъ нѣжныя Исмены, нѣкоей изъ прекраснѣйшихъ дѣвъ Митиленскихъ. Отъ сихъ-то любезныхъ узъ красоты со остроуміемъ родилася Астерія, опредѣленная Богомъ любви проявить нѣкогда свѣту совершенное собою твореніе Природы. Исмена пожелала воздоевать сама милаго сердцу ея младенца, и пріять на себя попеченія о драгоцѣнномъ семъ залогѣ обязанности ихъ взаимной. Въ нѣкій день прогуливалась она въ роскошныхъ вертоградахъ Эпикуровыхъ, сложила на мягкую мураву Астерію, примѣтя,

что сладкій сонЪ смыкалЪ дѣтскія ея очи; возлегла близЪ любезной своей дщери, и устремя чадолюбивые взоры на сей плодЪ нѣжнѣйшій, узрѣла вЪ древесной сѣни содроганіе всѣхЪ вѣтвей; цвѣтущіе лѣторасли, коими она была окружена, пріяли новой блескЪ, и казались склоняющимися ко лицу Астеріи; кроткой ЗефирЪ помавалЪ вЪ воздухѣ, и вливалЪ вЪ Исменину душу сладострастную томность, коя, изображая ей образЪ ЭпикуровЪ, усугубляла прелести возлюбленнаго младенца, во обЪятіяхЪ Морфея помрачающаго блескЪ изникающей розы. ВЪ то время,

когда она углублялася въ сладостныя сїи воображенїя, вдыхаемыя любовью и природою, сей Богъ плавалъ надъ сѣнїю по зыбямъ воздушнымъ. Онъ потрясъ свѣтильникъ, изъ коего горячайшая искра ниспала въ сердцѣ Астерїи, и услышался сладостной гласъ сего Бога, вещающаго тако:,, прекрасной ,,младенецъ, котораго чистѣйшїй пламень мой на свѣтъ ,,произрастилъ, одаряю тебя ,,всѣмъ, что красота и прїятности не имѣютъ очаровательнаго, и предаю тебѣ ,,науку привлекать сердца ,,человѣческїя; но хощу дабы ,,твое сердце было воздая-

„нїемъ того, кто пре-во-
„сходнѣе возъимѣетъ иску-
„ство воспѣти владычество
„мое„—

Присудствїе Купидона, придало всѣмъ цвѣтамъ новую свѣжесть и благоуханїе прїятнѣе амвры; древеса преклонялись единое ко другому, и птицы, сидящїе на зыблющихся вѣтвїяхъ, воспѣвать престали, чтобы вкушати увеселенїе сладостнѣйшее. Купидонъ, отлѣтая отъ вертоградовъ Эпикуровыхъ, оставилъ въ нихъ роскошь, вручивъ ей множество стрѣлъ своихъ, но единыхъ скользящихъ токмо по поверхно-

сти, коихъ уязвленіе никогда не бываетъ глубоко, ни долговременно. Исмена, пришедъ паки въ себя отъ сего очарованія, и воображая воспрянути отъ сна обольщательнаго, возложила на руку пробудившуюся тогда Астерію, и повѣствовала Эпикуру о восхищеніи души ея. Чувствительной Любомудрецъ услаждался ея повѣствованіемъ, и печатлѣлъ пламенныя лобызанія на устахъ матери и дщери, желая имъ сего блаженнаго чувствованія души, коя, познавъ роскоши цѣну, умѣетъ сохранить внутреннее спокойствіе и посреди бурь жизни.

Цитерской Богъ видя, что солнце нисходило уже къ Фетидѣ, направилъ пареніе его къ роскошной пещерѣ сея Богини. Она паче украсилась присудствіемъ прелестнѣйшаго Купидона, такъ что Аполлонъ въ перьвой разъ воображалъ узрѣть оную; но вскорѣ избранной сонъ погрузилъ златовласаго Бога дня въ обьятія покоелюбиваго Морфея Купидонъ, ожидавшій токмо сего времени, и склоненъ будучи на хищенія, воспользовался искусно Аполлоновой лирой, и воспарилъ въ Паѳосъ съ нею; повелѣлъ Граціямъ прибавить къ оной новыя струны. Онъ самъ

присудствовалъ при сладчайшемъ ихъ строѣ, и послѣ отлетѣлъ быстро въ Ѳеосъ, гдѣ нѣжной Анакреонтъ пѣснословилъ согласными звуками Венеру и ея сына, хотя уже бѣлымъ инеемъ начинала глава его покрываться. Сей любезной и сладостной Любомудрецъ, по укрощеніи Поликратова нрава, возвратился въ отечество свое. Благосостояніе позволяло ему распространять въ пріятномъ его жилищѣ изобиліе и забавы. Онъ зрѣлъ часто Грацїевъ, во убѣжищахъ прохладныхъ вертоградовъ своихъ отрѣшающихъ отъ чреслъ поясы, для плясанія

съ младыми Эротами при сіяніи сребровидныя Луны, освѣщающей игры ихъ таинственнымъ блескомъ. Сами Музы, одолѣвая стыдливость, казались присудствіемъ одобрять сладкострунные звуки нѣжнаго Анакреонта. Пѣснопѣвецъ, возлегая съ роскошію на лиліяхъ и розахъ, искалъ въ Феосѣ ради уподобленія имъ юныхъ красотъ. Тщетно воображеніе его начертывало прелести любезныхъ градожительницъ. Персты возложенные на лирѣ, сердце его въ предпочтеніи колебалось, подобно яко странствующій, зря разныя стези, не доумѣваетъ, кою

избрать Купидонъ оскалбляяся ниспустился на Анакреонтово колѣно. О ты! любезной издавна сердцу моему, рѣкъ владыко Цитеры, оставь лиру твою, и прїими настроенную мною; воспой могущество Киприды и мое, ея сына. Я опредѣлю къ тебѣ нѣжную роскошь, и одаря тебя крѣпостїю лѣтъ юныхъ, сокрою подъ твоей сѣдиною науку быть прїятнымъ. Изгладь изъ воображенїя образъ красоты, днесь тебя упражняющей Я уготовляю тебѣ красоту достойнѣйшую твоего сердца и лиры; да пригвожду волнующїяся желанїя твои ко единому предмету.

Даю тебѣ колчанъ мой, гдѣ обрѣтешь легкія сіи стрѣлы, кои неглубоко уязвляютъ; но берегу при нихъ единую, отъ коея уязвленіе долговременнѣе бываетъ. Послѣднія пѣснословія твои толикоже сладостныя, яко пѣніе лебедя Меандрова, воспрославятъ могущество мое, и прейдутъ до позднѣйшаго потомства. Имя твое будетъ славно по всей вселенной. Горе сердцамъ хладнымъ, кои не вкусятъ пріятностей пѣнія твоего! Тако рѣкъ Купидонъ, и нѣжно облобызая милаго ему пѣснопѣвца, возвысился надъ главою его, и воспріялъ по воздушнымъ зыбямъ об-

ратной путь ко Митилене. Анакреонтъ послѣдовалъ взорами за нимъ, сбожая его; и первые звуки лиры, полученной имъ изъ рукъ Купидоновыхъ, были чувствительнѣйшая благодарность ему за дарованіе.

Юная Астерія, тщательно воспитываемая Эпикуромъ и Исменой, достигала пятьнадцати лѣтъ. Подобная изницающей розѣ изъ зеленыхъ листьевъ ежедневно сія прелестная дѣва открывала новые блески. Чрезмѣрно нѣжная Сафо славила въ стихахъ прелести Астеріи, и желала быть ея другомъ; но сія привержен-

ности казалася ей излишне для дружбы пламенна и чужда для любви истинной. Токмо и слышно было о красотѣ Астерїеной. Блистательнѣйше юношество тщетно горѣло къ ней любовїю. На мягкой корѣ древесъ тополовыхъ, растущихъ на брегахъ прозрачныхъ источниковъ, имя Астерїи зрѣлося начертанно: но ниединъ любитель не осмѣливался питаться упованїемъ присоединить свое ко оному. Купидонъ,назирая безпрестанно юную красоту сїю, забавлялся пусканїемъ стрѣлъ, кои, проницая сердца достойнѣйщихъ жителей Града Ми-

шилены, не могли поразить ея сердца нечувствительнаго къ мученію, ею раждаемому. Фаонъ прекраснѣйшій изъ всѣхъ, привыкшій побѣждать красотъ снисходительныхъ, оставляя ихъ перемѣнно для побѣдъ новыхъ, жестокосердъ былъ токмо для единыя пѣснопѣвицы Сафо. Безплодно пламенная страсть сея славныя дѣвы тщилась въ неблагодарнаго вдыхать искру огня, ея пожирающаго; тщетно Музы признавали ее любезною имъ сестрою. Купидонъ произвелъ у ней въ сердцѣ желаніе любить; но отказалъ ей въ даованіи нравиться. Отчаянная Сафо

низринулась въ морскія горькія волны, и усугубила тѣмъ торжество ея возлюбленнаго, утвердя его въ самомнѣніи, что не могло быть красоты, ему упорствующей. Градъ Митилена поздно узналъ цѣну утраты стихотворицы сей, коя нерѣдко была мрачною завистію гонима. [Се есть жребій высокихъ талантовъ, коихъ не прежде познаютъ часто достоинство, какъ уже лишаясь оныхъ!] Для оправданія-то себя въ сей несправедливости, повелѣно было правителями Митилены установить празднество въ честь знаменитой дѣвы.

Въ опредѣлённой для торжества день блистательнѣйшее града Митилены юношество собралося во храмъ Аполлоновъ, одѣянные въ ризы льняны бѣлизны чрезвычайной, держали въ рукахъ лавровые вѣтви, миртами переплетенныя. Фаонъ всѣмъ другимъ предслѣдуетъ; онъ весьма удаленный отъ прискорбія, мнится торжествовать надъ жертвою излишне нѣжныя къ нему Сафо. Закланы два лебедя бѣлѣйшіе снѣга, и юношество обоихъ половъ воспѣли округъ гробницы ея ликомъ согласные въ честь ей Гимны. Когда показалась

юная Астерія, зрѣлося тихое шептаніе отъ удивленія. Одни уподобляли ее Флорѣ, другіе Венерѣ; старѣйшины почитали ее Гебѣею, подъ именемъ Астеріи низшедшей съ Олимпа украсить сію юдоль.

Фаонъ, пораженной стрѣлою неизлѣчимою, послѣ удивленія красотѣ ея, почтилъ Астерію побѣды своея за достойную, и нашедъ время удобное произносилъ тихо въ слухъ ея —„ я люблю тебя, и готовъ пожертвовать тебѣ всѣми, кои мною прельщаются.— „Астерія съ веселымъ духомъ и безпристрастіемъ ему отвѣтство-

вала'— „совѣтую ть бѣ Фаонъ пользоваться твоими побѣдами и не весьма уповать на побѣду моего сердца„, — Не рождена ты для равнодушія прелестная Астерія; не вѣдаю, кого Богъ Любви мнѣ предназначаетъ: но что сей не ты, сердце мое мнѣ возвѣщаетъ! Фаонъ, мало привыкшій къ таковымъ отвѣтамъ, взиралъ на Астерію съ гордою улыбкою, коя казалась говорящею:— всмотрись прилѣжнѣе въ меня прелестная Астерія, и не предпринимай тщетныхъ преодолѣній себя противъ любителя, коему Купидонъ покровительствуетъ.—Изрѣкшу ей, она паки

приближилась къ юнымъ своимъ подругамъ. Составились разныя плясанія во храмѣ, гдѣ Фіонъ оказалъ всѣ пріятности его вида; но чрезмѣрно удивленъ былъ малымъ вниманіемъ къ нему отъ младой красоты, пораженный стрѣлою коея, не познавалъ онъ до сего силы; искалъ случая встрѣчатся съ прелестною Астеріею, не убѣгавшею отъ него; ибо она слабости своей къ нему не страшилась. Веселонравіе изъявляло независимость ея сердца. Когда младыя ея подруги говорили ей о Фіонѣ, она смѣючись имъ отвѣчала: —— „Непо„нятно мнѣ, какъ возмогъ

„влюбленной сей въ самаго „себя человѣкъ пленять мно„гихъ дѣвъ прекрасныхъ!„ — Купидонъ находилъ удовольствїе отмщевать за презрѣнїе страсти Стихотворицы Сафо къ любителю сему высокомѣрному хладнокровїемъ къ нему Астерїи.

Эпикуръ съ нѣкоего времени былъ во Аѳинахъ, и основалъ тамо училище славное. Исмена приготовлялась со дщерїю путешествовать къ оному; но прежде предприняла пробыть нѣсколько дней въ Ѳеосѣ, въ коемъ родственниковъ она имѣла. Желанїе зрѣть и слышать

Анакреонта не мало содѣйствовало намѣренїю сему, побуждая ее къ познанїю нѣжнаго сего Любомудрца, коего Эроты разнесли по всей Грецїи имя. Удаленїе Астерїи погрузило прекраснаго Феона въ глубочайшую горесть. Онъ, не находя твердости духа сносить отсутствїя любезной, прибылъ самъ въ Феосъ. Ни о чемъ болѣе тамъ было не слышно, кромѣ о прелестяхъ Астерїиныхъ. Отлетѣли роемъ по слѣдамъ ея Купидоны. Они соглашали каждое утро лиру Анакреонтову, и упражняли розовые персты свои въ разглаживанїи начинающихся

морщинЪ на челѣ милаго имЪ пѣснопѣвца, срвнившаго подобно божеству Астерію. Яствы и вертограды Анакреонтовы изображали изобиліе и довольствіе роскощи пріятной, помощію пышнаго богатства. Астерія, славимая ежедневно, придавала сугубой блескЪ симЪ мѣстамЪ прекраснымЪ. Когда уже бѣлые почти власы Любомудрца конецЪ осени его возвѣщали, живость взоровЪ, свѣжесть лица его, стройность стана, играніе нѣжное и одушевленное проявляли божество вЪ немЪ, желающее подЪ снѣгами зимы сокрыть весну цвѣтущую. ВЪ сѣннолиственн-

номЪ и сокровеннѣйшемЪ мѣстѣ вертоградовЪ Анакреонтовыхъ воздвигнутЪ былЪ храмЪ Любви, гдѣ зрѣлся БогЪ сей, Грацїями окруженный, изсѣченЪ рукою Праксителя. Стѣны храма одушевлялися любовными упражненїями БоговЪ. Тамо величественный ЮпитерЪ прельщалЪ взоры чувствительныя кЪ нему Европы; инде роскошная Афродита упоевалась восторгами любви сЪ прелестнымЪ АдонисомЪ; далѣе бодрой АлкидЪ ликовалЪ сЪ младой Гебѣею; Венера и Аврора отпрождали безсмертїе вЪ существа Анхиза и Тиѳона. ВЪ сїи-то мѣста,

паче другихъ, удалялася прекрасная Астерія. Ради чего, изрѣкала она, во священномъ убѣжищѣ семъ не изобразить бы прелестныхъ вертоградовъ сихъ обладателя? Безъ сомнѣнія лучъ божественной одушевляетъ его пѣснословіе; оно удобно доставить безсмертіе предмету его продолжительному!

Фаонъ, прибывъ въ Феосъ, представленъ Анакреонту, которой срѣтилъ его съ откровенною вѣжливостію, ему свойственною. Онъ скоро позналъ страсть его къ Астеріи: но далекъ отъ того,

дабы питать подлую ревность; похваляль часто прелести Фаоновы. Ежели возможеть онъ привлечь сердце къ себѣ божественной красоты, изрѣкаль, воздыхая нѣжной Любомудрецъ, жребїй его уподобится участи безсмертныхъ; да и достодолжно быть красотѣ цѣною юности привлекательной. Оты! Купидонъ, коего я не престану пѣснословить до конца моей жизни, оставляя сердцу утѣху любви, не всего лишить меня; но наставленїя твои, преходя въ потомство, пролїють сладость владычества твоего. Сей полъ обворожающїй, скипетръ,

коего средствомъ обладаешь ты, обезоружишь суровыхъ чадъ Марсовыхъ, и лира, подаренная мнѣ тобою, предаваться будетъ изъ рукъ въ руки нѣжныхъ любителей къ прославленїю могущественной твоей власти. Между тѣмъ Астерїя не исходила болѣе изъ дому Анакреонтова, коего нѣжныя ей услуги возобновлялись ежечасно. Прїятные вертограды его для всѣхъ были отверсты, тамо любители клялися въ согласїи взаимномъ, во ожиданїи приближающагося торжества Гименѣева. Единый Фаонъ стеналъ отъ равнодушїя Астерїи;

но хотя видѣлъ юную красоту сію, внимающую безпрестанно пѣніе Анакреонтово, однако не терялъ упованія преодолѣть Сей труда своенравную ея легкость. Скоро предназначали быть торжеству Гименѣеву, и сей сладостной день во храмѣ любви всегда торжествовался. Каждой годъ двенадцать младыхъ любовниковъ притекали въ храмъ оной. Дѣвы, имѣя въ рукахъ миртовые вѣнцы, розами переплетенные, возлагали на главы любителей ихъ, егда Анакреонтъ оканчивалъ на лирѣ пѣніе свое. Торжество сіе послѣдовалось отъ Анакреонта вкусною

и обильною трапезою, гдѣ сладостнѣйшія вины Греческія изливалися въ кристальные сосуды. Обворожающая чувства Мусикія и прелестное плясаніе оканчивали день блаженный. Послѣ подъ сѣнію нощи Купидоны возобновляли нѣжныя воздыханія любителей благополучныхъ.

За одинъ день предъ торжествомъ онымъ углубленная въ вообраценіе Астерія о произшествіяхъ дня грядущаго, преходила разныя сѣни Анакреонтова вертограда; примѣтила сквозь густыхъ листвій Фаона, пре-

клоненнаго къ водомѣту подобно Нарциссу, во струяхъ прозрачныхъ влюбляющемуся въ красоту свою. Онъ, приправляя власы его бѣлокурые, мнился тако изрѣкающимъ:— „она недовольно всмотрѣлась въ меня; на утріе увидитъ при торжествѣ; и я готовлю ей вѣнецъ, которой она непременно возвратитъ на главу мою.„ —Астерія въ другую страну стопы ея направила, и оставила Фаона удивляться самому себѣ, презирая его киченіе, знаемое ею въ немъ издавна; шествовала въ мѣста вертограда, менѣе посѣщаемыя, подъ густую тѣнь древесъ,

верьхами переплетающихся, гдѣ окресть корней ихъ розы и ясмины благовоніе износили. Купидонъ плавалъ въ воздухѣ надъ нею, и сотрясалъ изъ свѣтильника пламенныя искры въ сердце младой Астеріи, съ восхищеніемъ внемлющей гласамъ птицъ различныхъ, коихъ присутствіе сладчайшаго сего Бога къ пѣнію возбуждало. Но скоро она внимать имъ престала, обратя слухъ къ единой густѣйшей сѣни, откуда исходили звуки лиры златострунной въ согласіи Анакреонтовыхъ пѣсней. Пѣснопѣвецъ, мня наединѣ быть, гласилъ тако:

Роскошна сладостна на
свѣтѣ,
Любовь, владычица сердецъ!
Да зрѣлыхъ лѣтъ еще во
цвѣтѣ
Сплету тебѣ похвалъ вѣнецъ.
Любовъ, тебѣ хвала при-
стойна
Ты лавровъ, ты вѣнцевъ
достойна;
Восторгомъ душу наполняешь,
Ты чувствы нѣгою томишь,
Мертвишь, и купно ожи-
вляешь
Забыться смертному велишь,
Въ объятьяхъ Астеріи; стра-
стной,
Разумной, нѣжной, и пре-
красной!
Видъ, пышна кедроваго древа

Изображаетъ ея грудь;
Не дерзость на челѣ, нѣтъ
гнѣва,
Но кротость, тихость, въ
сердце путь,
Глаза ея владыки само-
властны;
Горятъ они какъ звѣзды
ясны!
Спуская взоръ мой обольщен-
ный
Къ подвижнымъ бѣлымъ
двумъ столпамъ,
Между которыхъ путъ свя-
щенный
Въ тѣни Гебеновъ зрится
храмъ;
Надъ нимъ сплетены вьются
лозы
Цвѣтутъ и лилїи и розы.

Таковъ почти былъ смыслъ сихъ стиховъ Анакреонтовыхъ; но коихъ преложенїе едва удобно изразить все по достоинству впечатлѣваемыхъ Купидономъ, въ сердце юныя Астерїи, лицы пѣснопѣвца умаляющися ежедневно предъ глазами ея; мнитъ зрѣти во образѣ его нѣкоего бога, которому благоугодно подъ начинающимся снѣгомъ, таить огнь юности жарчайшей. Преставшу воспѣвати Анакреонту, Астерїя чаетъ еще ему внимати, и удаляяся отъ вожделенной сѣни обращаетъ лице къ ней многократно. Купидонъ плаваетъ

надъ главою ея по зыбямъ воздушныхъ, и повторяетъ въ душѣ ея согласїе пѣснопѣвца. Въ нѣдрахъ нощи за тихимъ вечеромъ грядущей тысящи лѣсныхъ сновидѣнїй, изображаютъ Астерїи счастїе любить, и быть любимой; изображаютъ ей Фаона, подобна зыблющейся блѣдножелтыя зелени трости, коея преклоненная выя едва держатися можетъ. Тогда, какъ Анакреонтъ, яко древней дубъ, лѣса Додонскаго, мнится быти покровителемъ нѣжнымъ цвѣтамъ изницающимъ подъ его тѣнью, и усугубляющимъ блескъ оныхъ.

Между тѣмъ златовидное сіяніе Авроры являлося на горизонтѣ, и возвѣщало день прекрасной. Каждой любовникъ поспѣшалъ препроводити къ юнымъ дѣвамъ вѣнецъ Гименея; Фаонъ не умѣдлилъ послати отъ себя единъ ко Астеріи; онъ упражнялся нѣсколько часовъ во убранствахъ себя богатѣйшими нарядами, и умащ ніи тѣла благовоніями. Егда время торжесшвованію приближилось, и жрецомъ Гименѣевымъ возвѣщено было: тогда любовники въ предшествіи кумирослужителей облеченныя въ велѣленнѣйшія ризы свои, на два ряда

устроились; единъ изъ жрецовъ, державъ полную кошницу голубей бѣлѣйшихъ снѣга; обычай былъ освобождать оныхъ изъ плѣна, при входѣ въ храмъ сей; гдѣ каждая чета расхаживая и воркуя какъ будто говорила любителямъ; послѣдуйте примѣру и нѣжности нашей. У вратъ вертоградовъ. Анакреонтовыхъ возшумѣло сладостное пѣнїе Гимновъ, богамъ любви, и бракосочетанїя. Толпа благообразныхъ обоего полу отроковъ съ невинностью златыхъ временъ славили чувствованїи вдыхаемые любовью и природою; тысящи птицъ присоединили

ко сладкопѣнїю свои гласы; древеса преклонили вѣтвїи единое ко другому: все могуществомЪ Цитерскаго бога являлося одушевленно' при вступленїи во храмЪ, любители составили изЪ себя полукружїе окрестЪ жертвенника его. АнакреонтЪ, стоящїй одесную Первосвященника воспѣлЪ гимнЪ своего творенїя, соглася пѣнїе сЪ лирою, настроенной самимЪ КупидономЪ, тогда, какЪ богЪ любви, лобызаясь сЪ Грацїями, и держа за десницу прелѣстную роскошь, простирался надЪ главами любителей, и сыпалЪ на нихЪ изЪ свѣтильника своего но-

искры. Единый шокмо Фаонъ мало чувствовалъ дѣятельности оныхъ, упражненъ будучи болѣе побѣдою предполагаемой, видя вѣнецъ его въ рукахъ Астеріи, нежели желаніемъ любить ея безпрерывно.

Между тѣмъ скончавшу Анакреонту священной Гимнъ: верьховной жрецъ подалъ младымъ дѣвамъ знакъ, подступить съ кротостію для увѣнчеванія возлюбленныхъ своихъ; Астерія прежде всѣхъ возвысясь стремительно на степени жертвенника, возложила вѣнецъ ея на главу Анакреонтову Пріими, изрѣкла ему, сей вѣнецъ, предла-

гаемой нѣжнымъ дружествомъ и любовію пламенной; подобна Гедерѣ правѣ, округъ древа обвивающейся, единая смерть отлучитъ меня отъ тебя возможетъ. Все собраніе во первыхъ удивленное окончало явленіе восклицаніемъ. Единъ Фаонъ униченной, изъ храма исходитъ, и влечется со отчаяніемъ во градъ Митилену. Вскорѣ происшествіе его извѣстно стало всенародно; мрачная горесть отверзла ему двери гроба; и тѣнь его нисшедшая въ поля Елисейскія, узрѣла пѣснопѣвицу Сафо, спокойно бесѣдующую съ Гомеромъ и Гезіодомъ. Сія десятая муза

смотрѣла уже равнодушно на Фаона; надмѣнной и высокомѣрной любитель учинился скоротечностію подобенъ листу весеннему, которой мгновенную токмо память о процвѣтаніи своемъ оставляетъ.

КОНЕЦЪ

